

Л. С. Пушкарева

Философия любви в творчестве А. Платонова: рассказ «Афродита»

Тема любви в контексте основной проблематики творчества А. Платонова. Деталь – фабула – сюжет – идея в рассказе «Афродита». Проблемы мироощущения писателя и поэтики его прозы.

Ключевые слова: А. Платонов, рассказы, тема любви

Ljubov S. Pushkareva

Philosophy of love in the A. Platonov's creation: the novel «Afrodita»

The theme of love in the context of central problems by of Andrey Platonov's creation. Detail – plot – subject – idea in the novel «Afrodita». Problems of writer's world-wide and artistic peculiarity of his prose.

Ключевые слова: Andrey Platonov, novels, the theme of love

Читая книги и статьи о творчестве Платонова, нетрудно заметить, что до сих пор не сложилось единого мнения о социальной, политической, идеологической позиции художника в 1920-е и 1930–1940-е гг. Можно утверждать, однако, что он всегда был верен себе, но его вера была сложной, неоднозначной по отношению к любому жизненно важному вопросу. Он жил в «прекрасном и яростном мире» и принимал этот мир в его неразрешимых противоречиях, пытался сохранить в нем равновесие духа.

Художественный мир А. Платонова – органическое целое, создатель его – до крайности искренний и подвижнически стойкий искатель истины, т. е. смысла и цели человеческого существования, но искания эти прошли мучительно сложную эволюцию не только судьбы самого художника, но трагической истории России и ее народа в XX в.

На первый взгляд, собственно о любви А. Платонов написал всего несколько произведений («Фро», «Река Потудань», «Афродита», «Возвращение»), тем не менее эта тема, как никакая другая, помогает понять законы единого художественного мира писателя.

Революция стала первой любовью юного провинциального рабочего. Позднее, в рассказе «Афродита» он размышлял: «Бывает счастливое время, когда историческое развитие мира совпадает в людях с движением их сердец». В 20 лет человеческая душа остро восприимчива к происходящему в мире, ищет в нем свое место, а это так трудно, если мир «прекрасный и яростный» одновременно.

В черновых вариантах «Чевенгура» он лирически писал о роли революции в своей судьбе: «Я тогда стоял на распутье – истории и личной жизни: мне сравнялось 19 лет и столько же было

XX века, я родился ровесником своему столетию, растущему в такт возрасту человека – во мне молодость, острота личной судьбы, а в мире одновременно революция»¹.

Революция открыла для нового романтика космические перспективы: в статье 1919 г. «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» А. Платонов утверждал свою безоговорочную веру в революцию духа, в ходе которой будет сметено с земли все злое, пошлое, мелкое, гадкое и расчищено место для строительства прекрасного и доброго. В 1918 г. А. Блок писал о том же в статье «Интеллигенция и революция»: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью. Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывающие их пути и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, – это называется революцией».

Сразу после очистительного разрушения начнется грандиозное созидание. Платонов мечтает: «Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречными слепыми силами»².

Изначально верующий, Платонов ищет нового Бога, советует, как рецензент, одному молодому поэту: «Вглядитесь в русский народ, он ищет своего блага, а в бывшем Боге он блага не нашел и навсегда отошел от него». В статье «Христос и мы» есть такое рассуждение: «Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщения. И этот гнев **выше всякой любви** (выделено мной. – Л. П.), ибо только он родит царство Христа на земле»³.

Веру в Бога революционерам заменил

разум («Кипит наш разум возмущенный...»), ему Платонов поет гимн в стихах 1921 г.:

По деревням колокола
Проплачут об умершем боге.
Когда-то здесь любовь жила
И странник падал на дороге.
...
Я сердце нежное, влюбленное
Отдал машине и сознанию,
Во мне растут цветы подводные
И жизнь цветет без всякого названия.

Чуть ранее, в 1920 г., написано стихотворение «Вселенной», перекликающееся со знаменитым стихотворением пролеткультовца В. Кириллова «Мы». Там есть такие строки:

Разум наш, как безумие, страшен,
Регулятор мы ставим на полный ход,
Этот мир только нами украшен,
Выше его – наш гремящий полет.
Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем,
Людям дадим мы железные души,
Планеты с пути сметем огнем.
Неимоверной мы жаждем работы,
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота,
Мир победим мы во имя свое.

При всей грандиозности вселенских планов, воспламенивших разум поэта, в 20 лет все-таки невозможно жить только сознанием, сердце и плоть властно заявляют о своих правах. Платонов **сознательно** подходит и к этой проблеме. В статье 1920 г. «Достоевский» он размышляет о плотской любви: «Мы живем в то время, когда пол пожирается мыслью. Страсть, темная и прекрасная, изгоняется из жизни сознанием. Философия пролетариата открыла это и помогает борьбе сознания с древним еще живым зверем. В этом заключается сущность революции духа, загорающейся в человечестве. ...Буржуазия произвела пролетариат. Пол родил сознание. Пол – душа буржуазии. Сознание – душа пролетариата. Буржуазия и пол сделали свое дело жизни – их надо уничтожить. ...Наша общая задача – подавить в своей крови древние горячие голоса страсти, освободить себя и родить в себе новую душу – пламенную победившую мысль. Пусть не женщина-пол своей красотой-обманом, а мысль будет невестой человеку. Ее целомудрие не разрушит наша любовь»⁴.

В таком убеждении Платонов был не одинок, в советской лирике начала 1920-х гг. тема

любви была почти под запретом, единственной любовью должна была стать революция.

Цель революции так высока и идеальна, что она исключает все другие потребности личной человеческой жизни. Человек должен стать органической частицей общей революционной массы. Любовь в понимании Платонова едва ли не контрреволюционна, она ведь тоже требует всего человека, дай ей только волю.

В ранней молодости писатель так страстно, так категорично отрицал любовь к женщине еще, может быть, и от предчувствия ее силы в своей судьбе, пытался защититься от нее заранее, сомневаясь, хватит ли у него сил одновременно на творчество новой общей жизни и на личное счастье в любви.

В 1921 г. Платонов познакомился с М. А. Кашинцевой, которая стала не просто его любовью, мучительной и счастливой, единственной женой, но музой, хранительницей его души, во многом – смыслом его творчества до конца его дней.

В письмах к ней он писал: «Мария, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувства к вам. ...Я живу в каком-то склепе, и моя жизнь почти равна смерти». «Заперта во мне Вами душа, Вы только можете ее отпереть. Месяц назад я был богат и полон как царь, теперь я странник. ...Не страсть во мне, а песнь, а музыка души. Страшная сила скопилась во мне и предках моих за века ожидания любви, и вот теперь эта сила взорвалась во мне».

Совсем недавно Андрей категорически не принимал женскую любовь, утверждал, что «человек должен стремиться к соединению со всеми, а не с одной», ибо «в этом нравственность пролетариата», а с этих пор любовь завоевывает очень важное место в его иерархии ценностей общечеловеческой, вселенской жизни. Думается, можно утверждать, что в 1930–1940-е гг. у Платонова формируется философия любви, связанная со всеми главными проблемами его зрелого творчества.

Может быть, наиболее отчетливо она проявилась в одном из последних рассказов, «Афродита» (1945 г.). Все платоноведы хотя бы вскользь отмечают автобиографический подтекст этого рассказа.

Герой рассказа, Назар Фомин, в молодости жил так же, как и его создатель в 1920-е гг., революцию понял как путь к всеобщему счастью и потому самоотверженно служил революции. В свое время он познал большую любовь, воевал, вернулся в свой город, практически стертый с земли войной, потерял почти все, чем дорожил в мирные годы.

Это – не столько литературный, сколько

жизненный, почти бытовой сюжет судьбы очень многих людей его поколения, фабульная основа ряда произведений советской литературы. Стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату» волнует до сих пор тех, кого хоть краем обожгла война, но у Платонова была совсем другая задача.

Событийный ряд этого рассказа богат и драматичен, но в то же время проходит как бы пунктирной линией сквозь метафорический (типично платоновский) сюжет. Сюжетное расслоение помогало выразить сложную идею. Фабула представляет собой своеобразную вставную новеллу: ее события протекают в памяти героя, Фомин в начале повествования подводит итоги прожитой жизни, и оказывается, что события, удачи, утраты, свершения – не главное в жизни человека. Сюжет раскрывает становление истинной личности, а значит, души героя, и к финалу выясняется, что стержень сюжета – сквозной мотив счастья как высшей цели и закономерного итога существования состоявшейся, сохранившей себя во всех испытаниях личности.

Так что же такое счастье? Это слово много раз повторяется в рассказе. В разные периоды жизни герой понимает его по-разному.

Первая фраза не предполагает счастливой развязки: «Жива ли была его Афродита? – с этим сомнением и этой надеждой Назар Фомин обращался теперь уже не к людям и учреждениям – они ему ответили, что нет нигде следа его Афродиты, – но к природе, к небу, к звездам и горизонту и к мертвым предметам». На свой вопрос Фомин, естественно, не получает ответа ни от синего наивного цветка, ни от ветра, ни от сияющих облаков, но равнодушно молчание природы внушает ему надежду: «...ни в природе, ни в людях нельзя было заметить никакого голоса и содрогания, отвечающего печальной вестью открытому ожидающему сердцу человека, и Афродита должна быть живой на свете».

Уже переживший все то, что воспроизведет для читателя его память, умудренный страданиями и счастьем герой видел «общую связь всех живых и мертвых в мире», знал, что по большому счету смерти нет. Пока он сам жив, продолжает существовать все, что было дорого ему: «Фомин предался воспоминанию, повторяя в себе однажды пережитое с неподвижностью вечного остановленного счастья ...». Автор подводит к мысли, что, когда человек состоялся как часть всего человечества, ему ничто не страшно, он никогда ничего не утратит. Человечество – это ведь не только ныне живые, а все когда-либо жившие и еще не родившиеся люди. И все они – часть бессмертной в своей вечности природы.

Момент встречи со счастьем любви был

подготовлен для Фомина самой природой: «Он увидел памятью небольшой город, освещенный солнцем, ослепительные известковые стены и черепичные кровли его домов, фруктовые сады, растущие в теплом блаженстве под синим небом». Та, кого он будет звать Афродитой, продавала разливное пиво в кафе, и, когда он ее наконец заметил, она, как богиня, возникла для него из пены – «хотя и не морской воды, а другой жидкости».

Портрет ее – продолжение пейзажа: «Женщина была молодой, ясной на лицо, с темными блестящими глазами, странно соединяющими в своем выражении задумчивость и насмешку, с дремучими, с дикою силой растущими черными волосами на голове». Женщина властно вошла в жизнь Назара, как сама природа.

В юности Назара, как и автора рассказа, «вдохновила вера в смысл жизни рабочего класса», «он стал жить всем дыханием человечества». «Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он принимает к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, – тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни» – вот что было для героя непреложной истиной.

Фомин еще не осознал, что любовь неистощимо питает этот источник жизни, а не уводит от него человека в безводную пустыню индивидуального существования. Об этом Платонов много думал и, в частности, писал в статье «Навстречу людям (По поводу романов Эрнеста Хэмингуэя „Прощай, оружие!“ и „Иметь и не иметь“)»: «Любовь быстро поедает самое себя и прекращается, если любящие люди избегают включить в свое чувство некие нелюбовные, прозаические факты их действительности, если будет невозможно или нежелательно совместить всю страсть с участием в каком-либо деле, выполняемом большинством людей. Любовь в идеальной, чистой форме, замкнутая сама в себе, равна самоубийству, и она может существовать в виде исключения лишь очень короткое время».

Но так случилось при встрече с Афродитой, что «чувство его не стало ...считаться ни с его разумом, ни со спокойствием его духа, а пошло вразрез им, уводя человека к его счастью».

Нетрудно заметить, что здесь счастье противопоставлено разуму и спокойствию духа, как это случилось некогда в потрясенной душе самого Платонова.

Обыкновенная женщина не в силах была бы

увести Назара с избранного пути, поэтому он называет ее не Натальей Владимировной (хоть и переводится ее имя-отчество как «родная и владеющая миром»), а Афродитой – богиней любви и красоты. Но, подобно мужу другой Афродиты, Фро, женившись, Назар вернулся к страсти работы, созидания нового мира, «создал себе душевный покой любовью к жене Афродите и своей верностью ей; он смирил тем в себе все смутные страсти, увлекавшие его в темные стороны чувственного мира, где можно лишь бесполезно, хотя, может быть, и сладостно расточить свою жизнь, и он отдал свои силы работе и служению идее, ставшие влечением его сердца».

Он построил электростанцию ради блага целого района, и жена разделила его триумф, «она была счастливее самого Назара, потому что дело ее мужа удалось». Очевидно, она любила его тогда. Но электростанцию через неделю сожгли, и это было огромное горе: «Назар Фомин стоял тогда возле своих умерших машин, глядевших на него слепыми отверстиями своих выгоревших нежных частей, и плакал».

И снова все силы ума, души, жизненной энергии потратил Назар на строительство новой электростанции. А жена в эти два года ушла от него.

У платоновских добрых людей нет биографии, отдельной от истории страны, устремившейся в лучшее будущее для всего народа. Такова была и биография самого писателя, без него, как без лучших его героев, был бы «народ неполный». Возможно ли такой личности сохранить себя и все-таки обрести личное счастье? Об этом Платонов рассуждает в статье «Рассказы А. Грина»: «Из опыта истории известно, что истинное человеческое счастье возможно лишь тогда, когда человек умеет стать средством для счастья других, многих людей, а не тогда, когда он замыкается сам в себе – для личного наслаждения. И даже любовное счастье пары людей невозможно или оно приобретает пошлую, животную форму, если любящие люди не соединены с большой действительностью, общим движением народа к его высшей судьбе».

Когда человек осознает и ощущает это соединение, личность его укрупняется до бессмертия. И мотив бессмертия проходит сквозь рассказ в унисон с мотивом счастья.

На первый взгляд, удивительно, что рассказ называется «Афродита», ведь главный персонаж – персонаж, несомненно, Фомин. Заглавие побуждает внимательно всмотреться в душу героя и понять место в ней его жены.

Фомин понимает и объясняет причину ухода любимой от него так: «Он раньше по-

стоянно думал, что его верная Афродита – это богиня, но теперь она была жалка в своей нужде, в своей потребности по удовольствию новой любви, в своей привязанности к радости и наслаждению, которые были сильнее ее воли, сильнее ее верности и гордой стойкости по отношению к тому, кто любил ее постоянно и единственно». Афродита оказалась не богиней, которой можно молиться со стороны, не отвлекаясь от важных дел и высокой идейной устремленности, а живой, обыкновенной, грешной женщиной.

Подобно Наташе Ростовской, эта Наташа готова к любви, не мыслит без нее жизни, но муж, как князь Андрей, далеко от нее, хотя и живет с ней в одном доме, он погружен в стихию сознания, долга перед другими людьми. И Наталья (не идеальная, воображаемая Афродита!) ищет другого любимого, в этой жизни, а не на острове Мадагаскар, неизвестно зачем существующем для Наташи Ростовской только на бумажной карте мира.

«После пожара и после утраты Афродиты Назар Фомин понял, что всеобщее блаженство и наслаждение жизнью, как он их представлял дотоле, есть ложная мечта и не в том состоит истина человека и его действительное блаженство». Оказывается, без Афродиты его жизнь опустела, исчерпан смысл его бурной практической деятельности. В поисках нового смысла Назар делает для себя очень важное открытие: «Мир перед ним, доселе, как ему казалось, ясный и доступный, теперь распространился в дальнюю таинственную мглу – не потому, что там было действительно темно, печально или страшно, а потому, что он действительно был более велик во всех направлениях и сразу его нельзя обозреть – ни в душе человека, ни в простом пространстве. И это новое представление более удовлетворило Фомина, чем то убогое блаженство, ради которого, как прежде он думал, только и жили люди».

И для героя открылся путь к «истинному вечному счастью, которого уже не может истребить никакое бедствие, ни горе, ни отчаяние». Как удачно сформулировал Л. Шубин, «Счастье личной и общей жизни – такова основная метафора в художественном мире Платонова, это ядро вещества существования»⁵.

Что же может быть выше, сильнее и «убокого блаженства», и страдания, горя, отчаяния, какие неуничтожимые, бессмертные и вечные ценности? В любви «вещество существования» проясняется для человека до дна, высвечивается высший смысл жизни. Любовь связывает все нити жизни человека в узор счастья. Перефразируя А. Грибоедова, можно

сказать: счастье в том, чтобы сердце не оставалось пусто.

«...И после разлуки с Афродитой Назар Фомин не мог отвыкнуть от нее и любил ее, как прежде; он и не хотел бороться со своим чувством, превратившемся теперь в страдание; пусть обстоятельства отняли у него жену и она физически удалась от него, но ведь не обязательно близко владеть человеком и радоваться лишь возле него – достаточно бывает чувствовать любимого человека постоянным жителем своего сердца». В позднем творчестве Платонова потребности живой жизни, человеческого сердца вступают в борьбу с чистым разумом, погружающим человека в иллюзию, в сон.

«Есть ум ума и есть ум сердца», – говорил Л. Толстой. Ум сердца мудрее, богаче самого глубокого интеллекта, особенно если человек предварительно прошел и школу ума ума, как Фомин и сам Платонов. Ум сердца обязательно озаряется любовью, для любви ведь важнее сердце, чем голова. Только после разлуки с Афродитой Фомин оказался во власти истинной, живой любви, озарившей и наполнившей новым смыслом его жизнь. И получил награду за свое духовное преобразование: Афродита вернулась к нему. Разлука преобразила и ее душу, она призналась, что «неправильно понимала жизнь, желая лишь радоваться в ней и не зная ни долга, ни обязанности», т. е. по-настоящему приняла мир мужа, из которого уходила. А Назар преодолел «ревность и уязвленное самолюбие» и молча «поцеловал у Афродиты руку, протянутую к нему». Ему не за что было прощать изменницу, его поцелуй – знак благодарности, почтения, преклонения перед любовью, которая не угасала в его сердце и, заполнив его разумный мир, сделала Назара всечеловеком.

В этом поцелуе – и уважение за то, что она осознала свою ошибку, покаялась. Эта сцена напоминает притчу о возвращении блудного сына. Христианские мотивы, может быть, не вполне осознанные, пронизывают этот рассказ, приводят героя к вере в бессмертие души.

После разлуки супруги научились слышать друг друга, две созревшие души, наконец, соединились. И теперь ничто их больше не разлучит, ни война, ни даже смерть. Весь мир беспредельно открылся для них, живых или мертвых, и в этом мире, в любой его точке, им найдется место. Вот почему Назар обращается к миру, к природе, к небу в поисках Афродиты, а в финале утешается: «Где бы она ни была сейчас, живая или мертвая, все равно здесь, в этом обезлюдившем городе, до сих пор еще таились следы ее ног в земле и в виде золы хранились вещи, которые она когда-то держала в руках, запечат-

лев в них тепло своих пальцев, здесь повсюду существовали незаметные признаки ее жизни, которые целиком никогда не уничтожаются, как бы глубоко мир ни изменился. Чувство Фомина к Афродите удовлетворялось в своей скромности даже тем, что здесь когда-то она дышала и воздух родины еще содержит рассеянное тепло ее уст и слабый запах ее исчезнувшего тела, – ведь в мире нет бесследного уничтожения».

Всегда от погибшей жизни что-нибудь да остается, оживляющее память, стимулирующее новую деятельность, если жив еще сам человек, хотя бы скамья возле родного дома, «где много летних тихих вечеров он провел в беседах и в любви с Афродитой», пусть ни дома, ни жены больше не было; хотя бы несколько черепиц с крыши сгоревшего дома. Фомин «собрал ... и сложил их маленьким правильным штабелем, точно делая заготовку материала для будущего строительства или собирая семена, чтобы снова посеять Россию. Эта черепица и вся другая, что есть в округе, была сделана в мастерских, которые учредил здесь в старое мирное время Фомин и которыми он ведал целые годы».

Все, созданное подвижническим трудом героя до войны, разрушено, но не любовь, не физически исчезнувшая Афродита, и потому возможно возрождение прежней жизни. В записных книжках Платонова 1942–1943 гг. есть запись: «Очень важно. Конечно, лишь мертвые питают живых во всех смыслах. Бог есть – покойный человек, мертвый».

Афродита продолжает жить в сердце Фомина, наполняет его «до окончания его существования», это и есть счастье. Осознавая, раскрывая себя и свое место в мире личность не может не быть счастливой, она никогда ничего обретенного не утратит. Благодаря любимой герой даже «отчаяние своей души превращал в надежду, а надежду – в успех и в победу».

Примечательно, что о героине в рассказе почти ничего не известно: ни происхождения, ни какой-либо биографии (кроме того, что она продавала пиво, а потом стала женой Фомина). Она – сама природа, жизнь, энергия. «Афродита была женщина молодая,мышленная, уживчивая, и не должна потеряться без следа или умереть от голодной нужды среди своего народа». Для Назара она – сердце народа, и раз народ жив, жива и она.

По сути, нет здесь и женского портрета; характер героини, психологический анализ лишь намечены. Афродита – одновременно земная женщина и богиня, реальность и миф, она живет в двух царствах – живых и мертвых. Умерла Наталья Владимировна. Богиня бессмертна.

Речь в рассказе идет не столько о частной

судьбе человека, пусть и художественно обобщенной, сколько о смысле человеческой жизни вообще. Платонов ищет духовную опору в непреходящих ценностях, а они в любых социально-исторических условиях – одни и те же. После всех ударов судьбы, после войны, болезни и смерти единственного сына, в предчувствии собственной близкой кончины писатель завещал своим читателям веру во всечеловеческое вечное счастье. Такую опору нашел для себя Платонов на пике отчаяния.

В рассказе, на первый взгляд, слишком много для небольшого произведения пространственных размышлений, почти публицистики. Это голоса самого автора в разные эпохи его творческой жизни. Платонов – личность, мыслитель, философ, художник всегда был честен в убеждениях и в их изживании, преодолении, а, в конечном счете, – в синтезе противоборствующих взглядов. От «революционного» отрицания любви он приходит к признанию ее сердцем и мудростью жизни, центром, к которому стягивается все, во имя чего имеет смысл трудиться, творить, существовать настоящему человеку, стержнем «вещества существования».

Сюжет рассказа – повод к раскрытию философского взгляда на жизненные ценности, выстраданного всей судьбой писателя. В «Афродите» Платонов преодолевает отчаяние «Котлована», возвращается к верованиям юности, но пересматривает их, обогащает представление о смысле человеческого бытия. В «Котловане» любовь – мираж, нечто недостижимое в коммунистическом аде, а в «Афродите» – высшая реальность жизни.

Сюжеты всех рассказов Платонова о любви оформлены кольцевой композицией: в начале и в финале возвращается к любимой Никита («Река Потудань»); уезжает «далеко и надолго, почти безвозвратно» Федор («Фро»); прощается с женой Фомин («Афродита»). И всякий раз смысл заключительной, вроде бы зеркально отраженной сцены меняется так, что заставляет заново увидеть все изображенное в новом, философском освещении. «Прощай, Федор!» – в последнем абзаце Фро произносит эту, вначале убийственную, фразу радостно, потому что прощается она с тем Федором, который раньше способен был оставить ее навсегда ради какой-то головной общечеловеческой цели, а теперь она разбудила его сердце, и оно приведет его к любимой откуда угодно. Это «прощай» означает «здрав-

стуй, моя любовь». «До свиданья, Афродита!» – обращается к исчезнувшей жене Фомин, и он не скорбит больше, потому что свидание с ней возможно каждое мгновение, когда зовет сердце, ведь она для него – всюду.

Сюжет рассказа, как всегда у зрелого Платонова, густо метафорический, а не фабульный. Этот сюжет читателю надо прожить, сквозь него протолкнуться, чтобы воспринять его смысл. Изобразительность Платонова (как предметная, так и речевая) в самой себе таит сложную выразительность, лишенную прямых авторских комментариев, хотя бы подсказок к «расшифровке».

Гениальный писатель никогда не был и не станет широко популярным, так как восприятие его текстов требует внутренних усилий, напряженной работы ума и души, утомляет сложностью. Как заметил С. Г. Бочаров, «Трудное выражение и есть внутренняя характеристика платоновского языка и всего его художественного мира»⁶. Необыкновенная, катастрофическая эпоха запечатлена в самом строении платоновской прозы. Станный лексический контекст отображал действительность странного исторического контекста.

Очень точно определил место Платонова в литературе XX в. А. Варламов в недавней книге: «Платонов – фигура рубежа, он находится на самой линии разрыва между жизнью и смертью, между Богом и человеком, человеком и машиной, человеком и природой. Он этот разрыв пропустил через сердце, пытаясь соединить несоединимое, и, быть может, в этом пограничье и таится ключ к его творчеству и судьбе»⁷.

Думается, точку этого соединения писатель нашел прежде всего в теме любви.

Примечания

¹ Цит. по: Варламов А. Н. Андрей Платонов. М.: Мол. гвардия, 2013. С. 16.

² Платонов А. П. К начинающим пролетарским поэтам и писателям // Сочинения: науч. изд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 2. С. 9.

³ Там же. С. 27.

⁴ Платонов А. П. Достоевский // Сочинения. Т. 1, кн. 2. С. 45.

⁵ Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования: об Андрее Платонове: работы разных лет. М.: Совет. писатель, 1987. С. 35.

⁶ Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Совет. Россия, 1985. С. 250.

⁷ Варламов А. Н. Указ. соч. С. 6.